Завтра

НОЯБРЬ, 2014 г. • № 47 (1096) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Газета Государства Российского

Вавилонская башня XXI века Рис. Геннадия ЖИВОТОВА

БАШНЯ ШАТАЕТСЯ

Вы слышите, как хрустят континенты, как колышутся материки! Человечество меняет кожу, выдирается из мертвого хитина, куда его заточили сильные мира сего. Американский "град на холме" — символ американского мессианства и превосходства над миром, этот град колеблется, и похоже, что в нем завелись мыши. Американский храм золотого тельца, из которого Америка управляет своей мировой империей, начинает осыпаться, в долларе появляются трещины. Американская вавилонская башня, чудовищный инструмент, с помощью которого Америка стремится вершить мировую историю, повелевать историческим временем, эта башня, коснувшись неба, начинает шататься. И скоро появится новый Брейгель, который нарисует её разрушение.

Похоже, что Господь оставляет Америку. Все, к чему прикасается Америка, превращается в прах, в труху. С помощью крылатых ракет американцы перепахали всю Северную Африку, разрушили множество неугодных Америке режимов. И вместо этого получили огненное, ненавидящее Америку исламское государство, которое то и дело отрезает головы американским журналистам — символам американской демократии и свободы. Американцы кичатся своим могуществом, своей великой цивилизацией, и вдруг оказывается, что первой экономикой мира является Китай, он обогнал Америку по своему развитию.

А как американцы хотели превратить Украину в натовское государство! Совершили государственный переворот. Но под носом у натовских генералов Россия выхватила Крым и присоединила к себе. А санкции, которые Америка насылает на Россию с тем, чтобы разрушить ее экономику, обозлить народ, натравить его на правительство России! Всё тщетно. Русский народ сплотился вокруг своего президента. Где те славные американцы, те крепкие парни, стриженные "под бобрик", которые садились в "летающие крепости" и гуляли в небесах над Европой и Японией! Они сменились беспомощными неврастениками, растерянными, рефлексирующими, мечтающими о наслаждениях гедонистами, прибегающими к самым изуверским формам человеческих услад.

Где великая американская литература? Хемингуэй и Скотт Фицджеральд, Фолкнер и Уитмен, проповедующие силу, добро, человеческий подвиг! Вместо них — ничтожные фантазёры, бесталанные затейники, мелочные бытописатели. Американец превратился в изнывающего, утратившего веру человека. А "град на холме" превращается в Содом.

Они забыли, что помимо американской мечты в мире существуют китайская мечта, иранская мечта, бразильская мечта и, конечно, русская мечта. Русская мечта, которая в русских сказках, в былинах, в великих писательских трудах, в проповедях, грезит о великих райских смыслах, о свободе, любви, справедливости, о том, чтобы превратить жизнь земли в симфонию, жизнь земных народов превратить в семью, в цветущее множество, в цветущее единство, противопоставляя это единство насилию и деспотизму одной отдельно взятой цивилизации.

После катастрофы 1991-го года Россия строит свое государство. Среди напастей, среди наветов, среди бесконечных угроз и опасностей, несмотря на то, что зима близко, русский медведь не ложится в берлогу: он обходит свою тайгу, которая распростёрлась между трех океанов. Русское государство, которое мы возводим, защищается нашей армией, нашим оружием, нашими самолетами, танками, подводными лодками. Но не только этим. Оно защищается великим духом, стоицизмом народа, который привык к невзгодам, и в период напастей не разрушается, не рассыпается на отдельно взятые былинки, а превращается в огромный национальный монолит.

И ещё наше государство зиждется на великой русской мечте — мечте о божественной справедливости, о правде, о красоте, о которой поют все русские художники, все поэты, все проповедники. Россия напоминает птицу, готовую взлететь со своей ветки, готовой начать долгожданное развитие. Напасти, трудности, что свалились на нас, не ломают, а побуждают к действию. Мы готовимся к переменам. Мы готовимся запускать новые проекты, новые заводы, новые университеты, создавать новые научные, экономические, философские школы. Готовимся улучшить нашу жизнь, избавиться от скверны, направить свои помыслы к высоким целям.

Россия прошла свой самый мучительный и сложный период, отринулась от 90-х годов. И мы находимся накануне нового взлета, нового социального творчества.

Наше государство зиждется на ожидании, на чаянии путеводной звезды, о которой Пушкин сказал: "Звезда пленительного счастья". Эта звезда неизбежной, приближающейся к нам русской Победы.

Александр ПРОХАНОВ

«КТО ТЫ, «СТРЕЛОК»?»

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и Игорь СТРЕЛКОВ

Александр ПРОХАНОВ. Игорь Иванович, на днях я побывал в Новороссии. И, возвращаясь, начал считать, свидетелем какой войны являюсь. Оказывается, шестнадцатая. Начиная с Даманского, Джаланашколь, Афганистан… Донецк, Луганск — шестнадцатая кампания. И каждая из этих войн имеет даже не свой лик (а это как бы личность — каждая война). А это какая-то субстанция, которая имеет свою субъектность, свою судьбу, своё развитие, свою память. Вы ощущаете, что у войны есть какие-то черты, которые выходят за технологию войны? Как бы вы описали Донецкую войну в её фазах, этапах, переживаниях?

Игорь СТРЕЛКОВ. Это моя пятая война. Были две чеченские, Приднестровье и Босния. Хочу подчеркнуть её схожесть — сценарную схожесть — с боснийской войной. Начало боснийской войны очень похоже на то, что происходит в Новороссии. Когда распалась Югославия и начался парад суверенитетов республик Сербии, несколько регионов не захотели уходить в мусульманскую Хорватскую федерацию и подняли восстание. Эти республики боснийские мусульмане, хорваты подавляли вооружённой силой. И вот, тогда на помощь им пришла Югославская народная армия, но была остановлена под Сараево, под Вуковаром, под Дубровником. Остановились не потому, что встретили серьёзное сопротивление, а потому, что это могло вызвать прямое вмешательство НАТО. Армия была выведена и оставила своё вооружение сербам. Сейчас ситуация очень похожая. И не дай Бог, чтобы она так же закончилась. Потому что когда ЮНА вышла, сербы не смогли организоваться. Потом шла очень длительная, изматывающая война. А потом она быстро закончилась — хорваты разгромили всех по очереди.

Александр ПРОХАНОВ. Но там фактор насилия. Натовские войска и контингенты, начались бомбёжки… А эта война по фазам как развивалась?

Игорь СТРЕЛКОВ. Поначалу никто воевать не хотел. Первые две недели проходили под флагом того, что обе стороны хотели убедить друг друга. Первые дни в Славянске и мы, и они крайне осторожно подходили к применению оружия. Первая стычка была с сотрудниками СБУ, которые попытались нас зачистить, но попали на засаду. Даже не совсем на засаду, а на встречное столкновение, к которому они оказались не готовы. Понесли потери и убрались. После этого наступило спокойствие. Украинская сторона начала выставлять блокпосты, в наших окрестностях появилась аэромобильная 25-я бригада. Но она не рвалась воевать. Нам удалось разоружить сначала разведвзвод, потом колонну. Это было именно разоружение — под стволами автоматов, под угрозой сожжения техники они не решились вступать в бой и были нами разоружены.

Но всё равно долгое время мы не трогали их блокпосты, и они не проявляли агрессии. Это первые шаги.

Затем "Правый сектор" начал забрасывать к нам диверсионные группы — начались перестрелки. Ещё Нацгвардии не было — только "Правый сектор". Украинская сторона очень осторожно себя вела, шаг за шагом прощупывала, как себя поведёт Россия. Первый месяц не было обстрелов города. Первый обстрел Славянска — в конце мая. До того они обстреливали сёла, но сам Славянск не трогали. Но по мере того как они понимали, что Россия не отреагирует, обстрелы становились всё более сильными, действия бронетехники и авиации — всё более массированными. В начале июня они окончательно уверились, что Россия напрямую не вмешается, и пустились во все тяжкие. Первая массированная атака на Славянск была второго мая. Следующую — с применением всех сил и средств вооружения — бронетехники и танков — они провели 3 июня. Между этими атаками были бои, локальные стычки.

Июнь, июль были самыми тяжёлыми. Если в апреле-мае всё шло по восходящей, то есть расширялась территория восстания, мы постепенно ставили под контроль населённые пункты Донецкой республики, распространяли движение, то в июне мы начали отступать. Нас со всех сторон стали поджимать, силы противника колоссально превосходили по всем параметрам. И у противника стала появляться мотивация к боевым действиям. Начала срабатывать пропаганда. И чем дальше, тем больше эта мотивация увеличивалась.

Батальоны нацгвардии стали прибывать на поле боя. Они изначально были мотивированы: рассматривали противника, то есть нас, как московских наёмников. Они были уверены. что мы все присланы из России. А то, что у нас в Славянске 90% были местные, донбассовцы, не хотели даже верить.

В июне-июле, когда помощи было крайне мало, противник подогнал огромные силы. Вообще несопоставимо было нарастание сил. Например, к нам за это время пришло 40 добровольцев, а к противнику пришло 80 машин. Что в них — другой вопрос. Но в каждой машине — минимум по человеку.

В август — на пике кризиса — мы сражались в условиях почти агонии. Просто лихорадочно латали дыры, затыкали какие-то прорывы. Мы находились в полном оперативном окружении. И не могли его прорвать. К тому же нас уже начали, как классический котёл, резать на более мелкие котлы. Постепенно отрезали Горловку…

Александр ПРОХАНОВ. Вы говорите о фазе, когда ушли из Славянска в Донецк?

Игорь СТРЕЛКОВ. Да. В той фазе тоже было две части. Когда мы вышли из Славянска в Донецк, это была фаза полной растерянности украинской стороны. У них был полностью прописан сценарий, а мы не вписались, перемешали им всё. И подозрительно гладко всё складывалось у них по этому сценарию. Очень подозрительно.

Что касается ситуации со Славянском…. После того как украинская сторона прорвала фронт под Ямполем, мы уже висели на волоске, заткнуть дыру между мной и Мозговым было невозможно, для этого не хватало сил — как минимум нужна была бригада. А у нас не было резерва.

И когда они взяли Николаевку, у нас не осталось никаких шансов. Был бы шанс, если бы нам массово поставили технику, вооружение. У меня было три танка, один из них был абсолютно неисправен, он не сделал ни одного выстрела. Лишь два танка были боеспособны. С их помощью мы разгромили один блокпост. Но сразу после разгрома этого блокпоста противник на всех блокпостах поставил по четыре танка. В Славянске у укров было семь блоков, и на каждом — по четыре танка. Любой блок укров по технической вооружённости и по численности был сильнее всего славянского гарнизона. На конец осады у меня было 9 бронеединиц, включая эти два танка, а у противника на каждом блоке — по семь-восемь единиц, включая четыре танка. И у меня была альтернатива: или сесть в полную осаду без снабжения, или выходить. До этого снабжение по полевым дорогам проходило. А когда противник взял Николаевку, у нас осталась одна полевая дорога, но они и её перерезали: если мы ночью прорывались по этой дороге, то уже днём у них был пост.

Итак, варианты. Садиться в осаду. Боеприпасов к стрелковому оружию на хорошие бои у меня бы хватило на двое суток. На средней интенсивности — на неделю. А после боёв под Николаевкой у меня осталось на 8 миномётов 57 мин — меньше, чем по 10 мин на миномёт. Не хватало и всего остального: на тяжёлое вооружение не хватало боеприпасов, хуже всего было с противотанковым вооружением. Бои были серьёзные, израсходовали много, а пополнения не поступало. Это всё было 5 июля. "Отпускники" пришли через 40 суток. Мы бы до их прихода никак не продержались. У нас бы и продовольствия не хватило. А самое главное — украинская армия не шла на контактные бои. Когда мы сами навязывали контактный бой, то у них были потери. А они со времён Ямполя предприняли тактику: выдвигаясь от рубежа к рубежу, бросали вперёд только бронетехнику без пехоты. Перед бронетехникой шёл огневой вал. Если бронетехника наталкивалась на сопротивление, она отходила. Снова огневой вал. Потом снова бронетехника. Опять огневой вал — и опять техника.

В результате Николаевку они начали методично разрушать. Наносили удары "ураганами", "градами", тяжёлой артиллерией. Никто не ожидал такого массивного обстрела. Некоторые пятиэтажки в городе попросту сложились. Действительные потери мирного населения мы даже не знаем — они огромны.

После этого противник просто обошёл Николаевку, и мне пришлось вывести остатки гарнизона. Ясно было, что то же самое повторится в Славянске — уже без всякой жалости его громили. Но я им ответить не мог, потому что снарядов не было. Они бы нас огородили колючей проволокой, обложили минами, как они сделали с другими, взяв их в кольцо. И ждали бы, когда мы или с голоду сдохнем, или полезем на прорыв. А прорыв в таких условиях сопровождался бы огромными потерями, и неизвестно, удался бы или нет. А ведь в Славянске было ядро нашей бригады — полторы тысячи человек, из них больше тысячи — бойцов. В Краматорске было около 400 бойцов, в Константиновке чуть больше сотни, в Дружковке пятьдесят, на других направлениях небольшие гарнизоны по 20-30-50 человек. И я знал, что извне ко мне никто не прорвётся. Ни "Оплот", ни "Восток" мне не подчинялись. У Безлера, который в Горловке базировался, на тот момент было около 350-400 человек. Если я не мог разорвать кольцо со своими полутора тысячами, то уж он-то тем более не смог бы. Получалось: если я останусь в осаде, то через какое-то время укры обложат меня, после этого начнут брать населённый пункт за пунктом. Что, собственно, и началось: я и выйти не успел, уже Артёмовск захватили, где у них свой человек был. И за один день полностью зачистили Артёмовск.

В момент, когда выходили из Славянска, уже намечалось второе окружение с отсечением полностью Краматорска, Дружковки, Константиновки. Это к слову о том, почему я, выйдя из Славянска, не стал обороняться в Краматорске: там тоже не было боеприпасов.

Учитывая глубокий прорыв противника к Артёмовску (он уже вышел к Горловке практически, в нашем глубоком тылу находился), цепляться за Краматорск не имело смысла. Выиграли бы мы ещё трое-четверо суток, но в результате всё равно выходили бы. Любой прорыв, тем более — неорганизованный, сопровождается потерями.

Несмотря на то, что из Славянска мы выходили очень организованно, у нас вся бронегруппа погибла. Трагическая случайность. Они должны были вместе с артиллерией, отвлекать на себя внимание огнём с места — с окраины Славянска. Потом, пропустив мимо себя все автомобильные колонны, уйти последней — замыкающей колонной. Но тут сработал человеческий фактор, и бронегруппа пошла на прямой прорыв.

Чтобы не создавать толкучку, у нас все были разделены на шесть колонн. Каждая колонна должна была выходить с интервалом в полчаса. Я совершил серьёзную ошибку, что вышел со второй колонной, а не остался до конца. У меня были свои резоны: в Краматорске я сразу развернул штаб. Но надо было, конечно, выходить последним.

Этого не случилось бы, если бы я сам присутствовал на месте. А так можно в мой адрес сказать, что смалодушничал, поторопился выскочить.

Вообще наши потери могли быть намного больше. Но украинская сторона ночью воевать никогда не любила, поэтому артиллерию мы вывели полностью, а также 90% пехотных подразделений и тыловых.

У нас в строю находилось 11 миномётов и две "Ноны" были на ходу. Знаменитую "Нону" пришлось оставить, потому что она, хотя укры её ни разу не подбили, вся в осколках была. Из-за износа у неё вышла ходовая часть. Её всё время таскали туда-сюда, под конец и пушка вышла у неё из строя. Как шутили бойцы украинских подразделений, которые к нам перешли, она за всю жизнь столько не стреляла, сколько в Славянске.

Так вот — бронегруппа пошла напрямую, и её всю сожгли. Перегородили дорогу. Первый танк подорвался на минах, второй попытался объехать — свалился в овраг. А остальных расстреливали гранатомётами. Некоторые люди уцелели — выскочили, прорвались.

Если бы хотя бы техника вышла — можно было бы както действовать, но вся броня сгорела. В Краматорске у меня было три БМП и два БТР. Это слишком мало — против нас выступали две батальонные механизированные тактические группы и танковый батальон.

И если мы могли действовать в застройке, то противостоять противнику на открытой местности не могли.

В Ямполе наш укрепрайон прорвали за один день, несмотря на то, что мы там вкопались, были огневые точки, блиндажи. У нас нехватка противотанкового вооружения — не было ни одной противотанковой пушки. Будь тогда хоть одна противотанковая пушка, хоть одна "Рапира", не прорвали бы они нашу оборону, несмотря на всю артподготовку. Но с одними "безоткатками" мы не могли воевать. Я понимал, что принимать бой на открытой местности — только терять людей.

Окончание беседы читайте на стр. 3

табло:

● Согласно сообщениям из Цюриха, новое объединение российской "демократической оппозиции" и усиленные трансляции по телевидению сериалов и фильмов с антисоветской направленностью являются "звеньями одной цепи", целью создания которой является идеологический раскол общественной базы поддержки Путина — точно так же, как целью действий "финансово-экономического блока" правительства Медведева, похоже, является создание объективных условий для массового социального протеста: рост цен и налогов, снижение уровня жизни — в том числе за счет снижения доступа к качественному образованию и здравоохранению и т.д. В этой связи отмечается, что в Швейцарии эмиссары ЦБ и Минфина проводят активные консультации с представителями ведущих западных финансовых институтов об условиях возобновления кредитования российских банков и "естественных монополий". Одним из таких условий называется "ралли рубля" — сначала с повышением его обменного курса к доллару до 42, а затем — с падением до 55-60 к концу года…

● Заявка корпорации "Роснано" на 100 млрд. рублей дополнительного финансирования из Фонда национального благосостояния России полностью соответствует кредо её руководителя Анатолия Чубайса "Больше наглости!", поскольку единственно реальной сутью работы этой структуры является "освоение" бюджетных денег, в просторечии именуемое "попилом и откатом", такие оценки циркулируют в околоправительственных кругах. Не меньший резонанс вызвала и публикация "Новой газетой" отрывка из новой книги Михаила Горбачёва, где "меченый генсек" сетует на то, что "был окружён предателями" и "хотел как лучше"…

● Начало расчётов в юанях на площадках Франкфурта — наглядное свидетельство расширения зоны действия национальной валюты КНР и растущей мощи китайской экономики, готовой к реализации концепции "нового шелкового пути" в Европу, передают из Берлина…

● Очередное "убийство" активистами "Исламского государства" уже пятого по счёту западного заложника — на этот раз им оказался американец Питер Кэссинг, якобы перешедший в ислам (хотя убийство единоверца вообще осуждается мусульманским правом), — является очередным поводом для "ужаса" американских и европейских политиков и обывателей, который должен "перекрыть" ситуацию на Украине, утверждается в информации, поступившей из Бейрута…

АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ "ДЕНЬ"

ВОПРОС В ЛОБ Юрию ТАВРОВСКОМУ

"ЗАВТРА". Юрий Вадимович, не является ли нынешний политический и экономический союз России с Китаем прелюдией военного союза?

Юрий ТАВРОВСКИЙ, востоковед, профессор Российского университета дружбы народов. Сейчас у нас с Китаем нет ни экономического, ни политического, ни, тем более, военного союза. Наши отношения скорее напоминают всестороннее стратегическое партнёрство. В мае, на саммите в Шанхае, Си Цзиньпин и Владимир Путин договорились о том, чтобы ещё выше поднять уровень этого сотрудничества. Однако оба лидера выступили с заявлениями, что о военном союзе речи не идёт. Краеугольным камнем их заявлений было желание России и Китая оставаться независимыми от каких-либо военных блоков, которые сейчас существуют в мире. В первую очередь они, конечно же, имели в виду НАТО.

В то же время происходит процесс сближения с Китаем, который затрагивает политические и экономические аспекты жизни двух стран. В том числе недавняя встреча Владимира Путина и Си Цзиньпина в Пекине, завершившаяся буквально на днях — это ещё один большой скачок в строительстве наших взаимоотношений. Западная реакция на столь быстрое их развитие оказалась очень нервной. Сенсационные переговоры Обамы и Си Цзиньпина в Пекине, заявления, которые сейчас радостно комментируют на Западе, — как раз проявления реакции на тот страх, который вызывает наше сближение.

На мой взгляд, даже если бы сейчас было сказано, что у нас союз, то реакция была бы менее нервной, чем та, которую мы имеем в ответ на заявления о стратегическом партнёрстве. Поэтому, я думаю, что если такой ярлык, как военно-политический союз, вызовет ещё более повышенную настороженность Запада, то его вешать не надо, а вместо этого нам стоит наполнять наши отношения с Китаем реальным сотрудничеством как в политике и в экономике, так и в военной области.

Материал подготовил Алексей КАСМЫНИН

ЭХО БРИСБЕНА

Оно может прозвучать под Донецком и Луганском

Саммит "большой двадцатки" в австралийском Брисбене, на котором западные лидеры грозились устроить России "публичную большую порку" по поводу "агрессии против Украины", тем не менее, прошёл без видимых эксцессов. Единственным, кто глаза в глаза потребовал от Путина "оставить в покое Украину", оказался премьер-министр Канады Стивен Харпер — но ему, учитывая количество и степень влияния в "Стране кленового листа" украинской общины (более 1,25 млн. человек), как говорится, сам Бог велел: иначе избиратели не поймут. Впрочем, российский лидер эту эскападу оставил практически без реакции, заметив, что все страны мира, включая Россию, заинтересованы в скорейшем прекращении конфликта на Украине.

А так — глава австралийского правительства Тони Эббот, грозившийся было то аннулировать приглашение Путину, то "опрокинуть его на землю", легко и непринужденно снимался совместно с "хозяином Кремля" в фотосессии с коалами. Французский премьер Франсуа Олланд даже на открытие саммита G20 прибыл в одной машине с президентом РФ.

Конечно, хозяева мероприятия, несмотря на страшную жару (в Южном полушарии — лето), встречали Путина более чем прохладно, стараясь всячески подчеркнуть его нынешнюю "нерукопожатность". Это касалось и протокола встречи в аэропорту, и размещения российского лидера в отеле Hilton, и прочих "мелочей быта".

Конечно, были пикеты "за" и "против" Путина, "за" и "против" России. Конечно, и Барак Обама, Ангела Меркель, Дэвид Кэмерон, Синдзо Абэ и прочие CEO нынешней западной политики — вдоволь поупражнялись в антироссийской риторике, требуя "прекратить дестабилизировать восточную Украину", проводя параллели между гитлеровским Третьим рейхом и нынешней "путинской" Россией, грозя ужесточением санкций и прочими карами небесными, но — "на полях" саммита и не в присутствии российского лидера. Заочно, так сказать. Новых антироссийских санкций США и их союзники, вопреки ожиданиям и собственным многократным заверениям, не ввели.

Правда, в ЕС заявили о возможности ужесточения санкционного режима "в случае наступления ополченцев", но подобное заявление всего лишь фиксирует нынешний статус-кво, сложившийся в Новороссии. У этого статус-кво есть свои плюсы и свои минусы, оценка которых в значительной степени зависит от системы приоритетов оценивающего.

В целом же можно сказать, что Брисбен стал своего рода границей, обозначившей конец периода безусловного доминирования США на мировой арене (1985-2014 годы), "золотого тридцатилетия" Pax Americana. Брисбен не стал реваншем "вашингтонского обкома" за явное поражение в Пекине. Но он показал, что Запад уже не может диктовать свою волю остальному миру, а Восток еще не может диктовать свою волю Западу.

Окончание статьи Алексея ГОРДЕЕВА — на стр. 2